

Павел Пономарёв

Родился в Рубцовске. Окончил филологический факультет Алтайского государственного педагогического университета. Работал преподавателем русского языка и литературы. Публиковался в литературных журналах «Сибирские огни», «Алтай», «Нижний Новгород», «Урал», «Юность» и др. Лауреат премии «Лицей» (2019) в номинации «Проза». Автор книги прозы «Мышиные песни». Живет в Барнауле.

ГИМНАЗИЯ БУДКЕВИЧ

— **С**тудент, работа нужна? — позвонил мне приятель Леша.

— Нужна. А какая?

— Лежачая. Сторожем, ночь через две.

— Где?

— Тебе понравится. Архитектурный памятник, бывшая гимназия Будкевич на Красноармейском. В подвале с камином и привидениями, как ты любишь.

— А что сторожить-то? — недоверчиво спрашиваю.

— Подвальный этаж. Есть диван, чайник, телевизор.

— Ладно, подумаю.

Думал, впрочем, недолго. Давно искал место, где бы уединиться, отдохнуть от общаги, почитать в тишине. Тишина была, пожалуй, главным мотивом к трудоустройству, не считая скромной зарплаты.

В голове я нарисовал шумный Красноармейский, мысленно запрыгнул в трамвай и стал наблюдать, воспроизводя в памяти архитектурный облик проспекта. «Да, похоже, это то самое деревянное здание с эркерами и башней. Прозорливый Леша оказался прав, такое затворничество по мне. Можно запастись книгами и чаем». Студенту филфака, ужаленному русской словесностью, в старинном подвале грезилось что угодно — комната-гроб Раскольникова, прибежище философа, келья старца Зосимы, но никак не то место, которое следовало охранять.

На собеседовании меня встретил добродушный толстяк в деловом костюме — владелец помещений, где доверчивые люди обучались игре на бирже. Офис на втором этаже с солнечным эркером, нерабочим камином и секретаршей. Антураж поздних девяностых в атмосфере дореволюционного здания как музей в музее меня впечатлил. Толстяк, двигаясь по офису, бегло провел инструктаж и в конце, намекая на зарплату, шутливо добавил: «У нас долго не задерживаются». Наивный человек, не знающий цену тишине.

Игроков на бирже я потом наблюдал какое-то время: бледные невеселые мужчины с запахом пота и удушливой парфюмерии. Все они жутко потели у компьютеров и ждали больших денег. С каждым месяцем игроков становилось все меньше, пока зала не опустела и хозяин не догадался сдавать ее более жизнеспособным протестантам-харизматам.

Тем временем я пообвыкся: пил чай, читал книги, словом, работал. Научился спать на полутораметровом офисном диване (изоцрненной пыточной ночных сторожей), становиться бескостным существом и чудом воскресать поутру. Не исключено, что таким образом привел не одну ошалевшую мышь к вере. Изразцовый камин, иронично закрытый плоским электрообогревателем, приелся взгляду, привидения так и не появились. Романтик уступил реалисту. Восторженный гость — печальному жителю подземелья.

Осознание того, что спишь, ешь, думаешь под землей, под метром нанесенного временем культурного слоя — приходит не сразу. Поначалу с интересом наблюдаешь за внешним миром в непогребенный фрагмент окна: стригущие воздух ноги туда-сюда,

желтые пятна трамваев... Прохожий едва ли догадывался о существовании живой души за грязными стеклами, если этот прохожий не фанатичный краевед, верящий в барнаульских гномов.

После года работы если я и не был похож на гнома, то на «подпольного человека» вполне, здание приняло меня, наделив своим мрачноватым отчужденным зрением. Минимум солнечного света, подвальная сырость, одиночество и «окопные» гляделки в окно — тоже сказались. Не было желания фантазировать о прошлом гимназии, о времени, когда она пахла свежим деревом и краской, учителя в курилке горячо спорили о будущем страны, а по коридорам шелестели юные гимназистки... Здание, пусть обветшалое и посеревшее, интереснее «в зрелости», когда ему есть что сказать. Ночами старые стены нашептывали не о далеком прошлом, а обо мне самом. О действительности, в которую я необратимо, вдумчиво и тревожно вращался, как гимназия в землю.

На выходных в большой зале харизматы проводили богослужение. Улыбчивые, нарядные, приветливые, благоухающие люди. Иногда они подкармливали меня домашней выпечкой и фруктами, осторожно заглядывая в каморку. Но обращаться в свою веру не пытались. Может, их удерживали икона на столе или суровые тома Достоевского... Вскоре и харизматы исчезли, зала опустела.

Порой меня навещали приятели из общаги. Бродили по этажу, восхищались стариной, шутили о привидениях, выпивали весь чай, съедали все пряники и уходили. Без харизматов и трепетных игроманов стало скучновато. И только прыткие учащиеся автошколы на втором этаже, бегая по скрипучей лестнице, создавали видимость жизни в большом, мрачном, прекрасном, не нуждающемся в людях старинном здании.

Когда гимназия Будкевич выжила предприимчивого толстяка, необходимость в сторожах отпала, и я уволился. Теперь, проходя мимо бывшей работы, невольно заглядываю в окна, пытаюсь что-то разглядеть, вспомнить, понять. Часть подвальных окон забита фанерой, а те, что не забиты, покрыты вековой пылью. Внутри мрак и покой. Может, это состояние и нужно бывшей гимназии, чтобы без человеческой суеты — смеха, пота, слез и песнопений — грезить о лучших своих годах...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Небо цвета кормящихся у супермаркета голубей. Ветер снежными колючками царапает лицо. Захожу в тепло, пробиваю на кассе кофе за сорок рублей из автомата. Вынимаю бумажный стаканчик из середины, мешаю деревянной палочкой черноту. Сажусь у окна. Наблюдаю за людьми, как по-своему они переживают непогоду в помятых шапках, наскоро вынутых из «зимних» рукавов.

Вокруг большого серьезного мужчины бегают смешная собачонка в синем костюме. С лаем она добегают до стаи голубей, насколько хватает поводка, и те серой волной уносятся в сторону. Собачонка, кажется, упивается вседозволенностью и звериным весельем, наматывая вокруг хмурого хозяина круги, гоняя испуганных голубей и не замечая, как водится, своей привязанности. Дождавшись улыбку женщину с пакетами, мужчина с собачкой уходят.

На скамейке понуро сидит продавец вербочек, с виду пенсионер, задумчиво смотрит в одну точку. Я гляжу туда же и вижу, как еще засветло он пьет на кухне свой чай, проверяет, выключил ли свет, берет сумку, нож и отправляется в сторону Оби за добычей. Ходит в сумерках между деревьев, хрустит льдом и палыми ветками одиноко...

Голуби, чувствуя слабость старика, залетают на скамью. Осматривают мышинового цвета пучки вербы, такого же цвета пуховик и ни с чем слетают обратно.

К продавцу вербочек подходит женщина. Наверное, спрашивает цену. Старик медленно шевелит губами из-под капюшона, отдает серый пучок. Не глядя ссыпает мелочь в карман, замечает нагловатого голубя рядом, нехотя поводит рукой, но голубь останется сидеть. Старик натягивает капюшон, находит свою зрительную «точку» и замирает.

Я опасаясь угадывать его настроение, мысли, причины, побудившие его связывать веточки в пучок и продавать людям... Кстати замечаю, что стаканчик мой пуст. Иду за добавкой. Хорошо придумано: сорок рублей, минута у автомата, пакетик сахара, и ты в норме — улыбаешься всему блаженной кофейной улыбкой, как князь Мышкин.

Когда вернулся к окошку, продавца вербочек уже не было, но вербочки лежали на скамье. Голуби продолжали клевать асфальт. Сыпал снег. Мимо скамейки проходили люди, с удивлением осматривались: откуда вербочки, почему вербочки? Взять, не взять? И не брали. Радовались чему-то на ходу.

ФИЗИОЛОГИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА

«А.»¹ — прибежище пишущего интроверта. Могу надолго залезть в приложение, как в умную книгу. Я выбрал для себя особую делянку: недвижимость, Рубцовск. Дело не в переезде на малую родину и не в покупке жилья. Этот «портал» дает возможность проникать в человеческие жилища, наблюдать быт, вкусы, идейные взгляды, нескрытые пороки их владельцев. Видеть их неспрятанные лица и силуэты со смартфонами, отраженные в зеркале или полированном шкафу. Их домашних животных, родственников на черно-белых и цветных фотографиях, книги, картины на стенах, заслуги в виде медалей и грамот... Я наблюдаю абсолютно законно, ничего не нарушая, кроме собственной психики (по взгляду со стороны). Многое из перечисленного не размыто фоторедактором по неосмотрительности.

Дом — это как бы изнанка жизни и через предметный мир рассказывает о человеке подчас больше, чем он знает о себе сам.

Эти порой гениальные фотографии на скорую руку — самое ценное. Фотохудожники могли бы найти в них много полезного и «освежить взгляд», но мне там важно другое.

По тому, как выполнены снимки, и по самой обстановке квартиры видно, ценит ли человек свое жилище или стремится поскорее продать, идя на торг, и — уехать в новую жизнь, если не спастись бегством. Бывает, конечно, что и ценит, но вынуждают

¹ Популярный интернет-сервис

обстоятельства. Все тут есть: и холодное высокомерие — «без торга»; мол, смотрите какой ремонт, район, где еще такую возьмете. И почти отчаяние — целомудренное фото фасада с деревцем, если дом, или самой ухоженной комнаты, если квартира, куча ошибок в тексте с многоточиями и восклицаниями. А еще на фото «отчаявшихся» встречается кот с большими печальными глазами, появившийся в кадре не случайно. Для умягчения сердец. Внутри этих снимков много человеческих драм, которые несложно дорисовать: смерти, разводы, дележка наследства родней...

Чаще встречаются квартиры с интерьером 90-х: ковры, громоздкие стенки и шкафы, крашенный пол (реже линолеум), старые японские телевизоры, где-то видеомагнитофоны. Позднесоветское эхо в них еще сильнó. Порой кажется, что забрел в киношные павильоны «Мосфильма», где снимается очередная драма о девяностых, но это, увы, не так. Квартиры с интерьером «нулевых» тоже не редкость. Тут мебели поменьше, пенопластовые потолки, межкомнатные двери из шпона, ламинат на полу, яркие флизелиновые обои... Исчезают настенные ковры, появляются псевдокамины с подсветкой, занимающие и без того тесное пространство. На кухнях — подобие барных стоек. Совсем небольшой процент объявлений с так называемым современным дизайнерским ремонтом.

Эта физиология жилого пространства не про нелюбовь или Хамов грех по отношению к родному городу (побратиму в этом плане многим другим), а про верность предмету.

Вид из окна тоже фотографируют. Интересно бывает заглянуть в чужое окно, увидеть мир с точки зрения другого. Важно ведь, что созерцает человек годами, а то и всю жизнь: зеленый парк с речкой или глухую бетонную стену. Из чужих окон я наблюдал родной поселок, дорогу, по которой ходил в детстве за молоком, школу, в которой учился. Видел из окна серой панельки, стоящей на берегу Алея, сказочную близость к диковатой забоке. Протяни руку — и ты в густом лесу с ягодой и комарами. Встречались и такие виды, что проще окна кирпичами заложить, чтоб не спиться. Но, заметил, если есть хоть одно дерево за окном, пусть хилое и невзрачное, клен какой-нибудь опавший или береза, то можно смотреть сквозь него в действительность без страха и отчаяния.

Есть какая-то грустная надежда в этих вечно умирающих и вечно воскресающих дворовых деревьях.

Человек не всегда выбирает себе жилище, вид из окна, но уверен, что все увиденное и осязаемое там прилипает к личности навсегда. Даже если человек переедет в «видовую квартиру» или выстроит дом в лесу — то хилое деревце, закрывающее мрачные гаражи, будет расти вместе с ним и тревожить. Он и есть то хилое деревце, оторвавшееся от родной почвы, чтобы прорасти и не погибнуть в новой.